

УГОЛОВНОЕ ПРАВО CRIMINAL LAW

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-4-43-46
УДК 343.2

Дата: поступления статьи / Submitted: 14.10.2020
после рецензирования / Revised: 18.11.2020
принятия статьи / Accepted: 27.11.2020

Научная статья / Scientific article

М. В. Коновальчук

Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: konov1178@mail.ru

СПРАВЕДЛИВОСТЬ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: МАТЕРИАЛЬНАЯ ИЛИ ИДЕАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ?

Аннотация: В статье проводится исследование уголовно-правового принципа справедливости с точки зрения традиционной философской мысли, предполагающей деление мира на идеальную и материальную субстанцию. Как пример идеальной субстанции справедливости автор предлагает рассматривать нравственный миропорядок, частным проявлением которого в идеале должен выступать конституционный строй конкретного государства. Материальная субстанция справедливости, по мнению автора, должна находить четкое отражение в нормах уголовного закона. В качестве теоретической предпосылки заявленного подхода выдвигается предположение о том, что человек как персональный творец и исполнитель права, пропуская через себя идею справедливости как фундаментальное социально-философское, политическое и правовое явление, формулирует уголовно-правовой принцип справедливости. Такой подход играет важную методологическую роль в преодолении односторонних тенденций в рассмотрении ее природы и предполагает его построение на основе двухуровневой конструкции, включающей в себя законодательный и правоприменительный элементы. На основе выдвинутого известным философом Ф. Аквинским положения о требованиях, предъявляемых к закону, проводится анализ судебной практики и норм действующего уголовного закона на предмет его соответствия принципу справедливости. Обосновывается тезис, что его эффективная реализация является показателем качества уголовного закона.

Ключевые слова: справедливость, наказание, правотворчество, правоприменение, квалификация, судебское усмотрение, нравственность, качество уголовного закона.

Цитирование. Коновальчук М.В. Справедливость в уголовном праве: материальная или идеальная категория? // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6, № 4. С. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-43-46>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

M. V. Konovalchuk

Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Samara, Russian Federation
E-mail: konov1178@mail.ru

JUSTICE IN CRIMINAL LAW: MATERIAL OR IDEAL CATEGORY?

Abstract: The article examines the criminal law principle of justice from the point of view of traditional philosophical thought, which assumes the division of the world into an ideal and material substance. As an example of the ideal substance of justice, the author suggests considering the moral world order, a particular manifestation of which should ideally be the constitutional system of a particular state. The material substance of justice, in the author's opinion, should be clearly reflected in the norms of the criminal law. As a theoretical premise of the stated approach, the assumption is put forward that a person as a personal Creator and performer of law, passing through the idea of justice as a fundamental socio-philosophical, political and legal phenomenon, formulates the criminal law principle of justice. This approach plays an important methodological role in overcoming one-sided trends in the consideration of its nature and assumes its construction on the basis of a two-level structure that includes legislative and law enforcement elements. On the basis of the position put forward by the famous philosopher Thomas Aquinas on the requirements imposed on the law, analyzes the judicial practice and norms of the current criminal law for its compliance with the principle of justice. The thesis that its effective implementation is an indicator of the quality of the criminal law is substantiated.

Key words: justice, punishment, law-making, law enforcement, qualification, judicial discretion, morality, quality of criminal law.

Citation. Konovalchuk M. V. *Spravedlivost' v ugovolnom prave: material'naiia ili ideal'naiia kategoriia?* [Justice in criminal law: material or ideal category?]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 4, pp. 43–46. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-4-43-46> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

© Марина Валерьевна Коновальчук – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рылская, 24 в.

© Marina V. Konovalchuk – Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of the Department of Civil Law Disciplines, Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 24 v, Rylskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

Тема кандидатской диссертации: «Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ». Автор 40 научных работ.

Область научных интересов: уголовное право, реализация принципа справедливости при назначении наказания; судебское усмотрение.

Данная статья носит не столько правовой, сколько философский характер. Движущим лейтмотивом на протяжении длительного времени остается попытка разложить «по полочкам» юридическую конструкцию справедливости, зафиксированную в уголовном законе.

На наш взгляд, именно оценочный признак данной категории становится постоянным камнем преткновения в спорах ученых. А если принять во внимание знаменитую фразу Протагора о том, что человек сам является мерой всех существующих и несуществующих вещей [1, с. 697], то становится очевидным, что основным критерием в этом вопросе будет выступать справедливость. Именно через дуализм пары «справедливо – несправедливо» человек будет транслировать миру свое отношение к явлению, поступку другого человека и т. д.

Если продолжить размышления о справедливости далее, то в звучании слова можно услышать новую конструкцию: «спра-вед-ливость», которая подразумевает знание права. А ведать право может только сам человек, который это право и устанавливает.

Субъективное и объективное, материальное и идеальное, абсолютное и относительное, основанное на законе и основанное на нравственности – все это бесконечные характеристики самой справедливости.

В настоящий момент как нельзя более актуальным становится высказывание русского ученого Н. С. Таганцева о том, что справедливость – это основа нравственного миропорядка [2, с. 54].

Если продолжить эту мысль и далее, можно сказать, что конституционный строй, конституционное государство будет таковым, если в его основу будет положена справедливость как основа нравственного миропорядка. В частности, на конституционном уровне закреплено, что Россия является правовым государством (ст. 1).

Иными словами, если рассматривать справедливость применительно к масштабу государства, то можно отметить, что равновесие политических сил, баланс интересов общества и государства, в том числе и экономических интересов, сможет быть выстроен благодаря справедливости.

Прекрасно понимая, насколько скользок и неблагодарен путь исследования справедливости, хотелось бы сделать еще одно важное замечание, касающееся прямой взаимосвязи справедливости и собственности. И здесь не поспоришь с известной теорией общественно-экономических формаций. Если убрать из нее политическую подоплеку об эксплуатации одного класса другим, то получится вполне жизнеспособная теория, в которой взаимоотношения между классами строятся, исходя из типа экономики, наличия или отсутствия частной собственности и средств производства [3, с. 80].

Subject of Candidate's thesis: «The principle of justice and its implementation in the criminal law of the Russian Federation». Author of 40 scientific works.

Research interests: criminal law, implementation of the principle of justice in sentencing; judicial discretion.

И опять же отнюдь не случайно в первой главе Конституции Российской Федерации, где расположены наиболее значимые положения (основы конституционного строя), закреплена защита всех форм собственности. И кому, как не уголовному закону, выстраивать нормы, охраняющие экономические отношения. Однако алгоритм построения таких норм и санкций тем более должен четко укладываться в правотворческий механизм, реализуемый законодателем на основе принципов уголовного права и принципа справедливости особенно.

Интересно в этом контексте воззрение Ф. Аквинского, по его мнению, существует ряд стандартов для справедливого закона: 1) он не должен быть завышен; 2) требования закона должны быть равны для всех; 3) закон должен быть принят соответствующим органом и обнародован [4, с. 853].

И если по поводу последнего критерия в настоящих реалиях не возникает никаких сомнений, то первые два нуждаются в комментариях.

Современное уголовное законодательство, однозначно закрепив понятие принципа справедливости в ст. 6 УК РФ, оставило открытым вопрос с его реализацией и соотношением с другими принципами уголовного права. Верхушка айсберга, лежащая на поверхности, максимально доступная как для исследователя-юриста, так и для обычного гражданина, – это оценка назначенного наказания осужденному с точки зрения суровости (либо мягкости), справедливости (несправедливости). Остальная часть снежной вершины, погруженная в толщу воды, скрывает в себе критерии качества уголовного закона, его способность гармонично встраиваться в существующую систему общественных отношений с конкретными политико-историческими реалиями. Тогда смогут быть достигнуты задачи, поименованные в ст. 2 УК РФ. Однако здесь правовая материя становится зыбкой как для самого законодателя, так и для правоприменительных органов.

В частности, в ходе опроса 50,9 % практических работников пояснили, что при назначении наказания принцип справедливости реализуется лишь частично. Также указанная группа респондентов единогласно считает, что в Уголовном кодексе РФ необходимо оставить норму статьи, закрепляющую принцип справедливости. По мнению 61,5 % опрошенных, принцип справедливости должен быть проявлен в уголовном законе на уровне правотворчества и правоприменительной деятельности [5, с. 15].

Если, например, посмотреть на данный вопрос в разрезе назначения наказаний и принять за объект исследования кражу (данный состав продолжает занимать лидирующие позиции), то можно наблюдать тенденцию, отражающую стремление суда «зани-

зитель» размер наказания, например, по ч. 4 ст. 158 УК РФ. Фактически имеет место отклонение от среднего размера наказания, установленного санкцией данной статьи [6, с. 71]. Все это свидетельствует о недостаточной проработанности Уголовного кодекса РФ при формировании круга преступных деяний и установлении справедливых санкций за них. Иными словами, если говорить конкретно, в санкции ч. 4 ст. 158 УК РФ, выставлены более высокие пределы максимального наказания, чем хотелось бы видеть правоприменительному органу (суду).

Что касается второго критерия, сформулированного Ф. Аквинским, весьма уместно привести точку зрения А. Г. Безверхова о необходимости соотношения общественной опасности экономических преступлений и преступлений против собственности, поскольку стоимостные критерии последних показывают, что они являются менее общественно опасными [7, с. 33].

Здесь можно увидеть определенную корреляционную зависимость, когда суд, реализуя право на судебское усмотрение, понижает размер назначаемого наказания по ч. 4 ст. 158 УК РФ, стремясь достичь равновесия с размерами наказаний, предусмотренных главой 22 УК РФ (экономические преступления).

Продолжая тему равенства перед законом, озвученную Ф. Аквинским, проанализируем положения ст. 174 УК РФ. Согласно положению ч. 1 ст. 60 УК РФ, виновному лицу должно быть назначено справедливое наказание в тех границах, которые определены соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Так, при назначении наказания в виде лишения свободы за легализацию (отмывание) денежных средств другими лицами (ч. 4 ст. 174 УК РФ) ранее в законе были установлены рамки – 7–10 лет. А за легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных лицом в результате совершения им преступления, в составе организованной группы можно было назначить лишение свободы на срок от 10 до 15 лет (ч. 4 ст. 174.1 УК РФ).

Следовательно, повышая размер наказания тому преступнику, который сам получил денежные средства от своей преступной деятельности, законотворческий орган попытался «включить» в рамки наказания первоначальный состав, в ходе которого и были получены нелегальные доходы.

Однако в настоящее время ситуация с данными составами в корне поменялась: теперь оба субъекта преступления – и тот, что «отмывает деньги», – в равной степени при прочих одинаковых условиях могут получить равные наказания. Например, по ч. 4 ст. 174.1 и ч. 4 ст. 174 УК РФ максимальный предел наказания составляет 7 лет лишения свободы с одновременным назначением штрафа в размере до 1 миллиона рублей. Но «ложкой дегтя в бочке меда» продолжает оставаться отсутствие нижних пределов во всех трех составах как в ст. 174 УК РФ, так и в ст. 174.1 УК РФ. В частности, такой широкий диапазон назначения наказания в виде лишения свободы от 2 месяцев до 7 лет предоставляет суду значительный простор для судебного усмотрения, что, на наш взгляд, отнюдь не является благоприятной тенденцией.

К слову сказать, решение может быть вынесено несправедливо по причине судебной или следственной ошибки, неправильной квалификации, элементарно плохого настроения судьи (например, болит голова или семейные проблемы) и многих других факторов. Важно понимать, что во всем многообразии перечисленных факторов определяющим является квалификация.

В связи с этим следует согласиться с мнением В. Г. Шумихина, полагающего, что грамотное установление всех элементов состава преступления обеспечивают справедливость назначенного наказания» [8, с. 120].

В этом контексте весьма показательна судебная практика. Так, приговором Богатовского районного суда Самарской области гр. Ш. был осужден по ч. 1 ст. 105 УК РФ к 6 годам лишения свободы в исправительной колонии строгого режима.

Из обстоятельств дела известно, что осужденный гр. Ш. по поручению матери хозяйки дома гр-ки Л. осуществлял присмотр за ее жилищем, расположенным по соседству, так как последняя была в отъезде. Так, 3 августа 2018 года ночью, услышав лай собаки и увидев около дома гр-ки Л. легковой автомобиль, гр. Ш. пошел проверить сохранность имущества гр-ки Л., где обнаружил двух неизвестных ему мужчин, в том числе гр-на М. Между осужденным гр-ном Ш. и потерпевшим гр-ном М. возник конфликт по поводу вторжения последнего в чужое жилище в ночное время. В ходе обоюдной драки гр-н М. нанес несколько ударов руками и ногами по разным частям тела гр-ну Ш., а последний в темноте нанес два удара ножом гр-ну М.

В последующем деяние гр. Ш. было переквалифицировано на ч. 4 ст. 111 УК РФ, так как в действиях гр. Ш. отсутствовал умысел на убийство. Суд указал, что при квалификации содеянного необходимо было обратить внимание на следующие обстоятельства: во-первых, на противоправные действия самого потерпевшего гр. М.; во-вторых, локализация повреждений (два непроникающих ранения на правом бедре и одно проникающее раннее передней части живота с повреждением органов пищеварительной системы с длиной раневого канала 6 см при длине клинка ножа, являющегося орудием преступления, 13 см доказывает версию осужденного о нанесении в условиях темноты единичных ударов с применением ножа с незначительной силой в нижнюю часть тела и конечности в целях причинения боли и прекращения активных действий по нанесению ударов со стороны потерпевшего гр-на М.; в-третьих, после нанесения ударов ножом осужденный не преследовал потерпевшего, который самостоятельно ушел с места преступления [9].

Таким образом, переквалификация действий гр-на Ш. судом апелляционной инстанции была связана с неправильным применением уголовного закона.

Подводя итоги, следует отметить, что подход к справедливости как к фундаментальному социально-философскому, политическому понятию играет важную методологическую роль и способствует преодолению односторонних тенденций в рассмотрении ее природы.

Двойственность, своеобразный «конфликт интересов» изначально заложен в самой природе справедливости. Преодоление данного конфликта возможно, если представить конструкцию справедливости как нравственную (абсолютную) категорию, когда ее границы и правила никто не может определить в силу субъективного подхода, и как политико-правовую категорию (относительную), что подразумевает ее соответствие конкретно-историческим условиям той или иной эпохи.

Попытки выковать из нее жесткую конструкцию, как показывает анализ воззрений ученых, философов разных эпох, лишней раз подтверждают ее текучее аморфное состояние, капризность и зависимость от общества, конкретных социально-исторических условий и т. д.

Действительно можно ограничиться констатацией данного факта и поставить точку. Но возвращаясь к цели исследования, следует ответить на вопрос, что представляет собой справедливость в уголовном праве: материю или абстрактное явление, не укладывающееся ни в какие логические рамки?

Думается, что ответ скрывается где-то посередине. В уголовном праве справедливость должна быть не столько путеводной звездой, по меткому замечанию Ю. И. Бытко [10, с. 72], сколько реальной действительной моделью, применение которой как на законодательном, так и правоприменительном уровне будет способствовать достижению целей уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера. Именно поэтому считаем логичным и обоснованным включение законодателем в уголовный закон принципа справедливости, который должен находить свою последовательную реализацию как в законотворчестве, так и в правоприменительной практике. Тогда его реализацию можно рассматривать как показатель качества уголовного закона.

Библиографический список

1. Волкова Н. П. Мера вещей Протагора как критерий истины // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2019. Т. 13, № 2. С. 695–704. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38689251>.
2. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 2. Москва, 1994. 380 с.
3. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Санкт-Петербург, 2010. 252 с. URL: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf>.
4. Антология мировой философии. Москва, 1969. Т. 1. Ч. 2. С. 823–862. URL: <http://philosophy.ru/library/antologiya-mirovoy-filosofii-t-1-ch-2/>.
5. Коновальчук М. В. Принцип справедливости и его реализация в уголовном праве РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина. Саратов, 2009. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1411171.
6. Коновальчук М. В. О возможностях применения графической модели построения санкций уголовно-правовых норм: теоретические предпосылки // Право и образование. 2016. № 3. С. 65–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25515073>.
7. Безверхов А. Г. Современная уголовная политика в сфере экономики: в поисках адекватной модели

// Российская юстиция. 2012. № 10. С. 31–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18068637>.

8. Шумихин В. Г. Квалификация преступлений – интегральное правовое понятие // Правоведение. 2006. № 3. С. 120–123.

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда от 12.08.2019. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc90437.

10. Бытко Ю. И. Справедливость и право. Саратов, 2005. 76 с.

References

1. Volkova N. P. *Mera veshchei Protogora kak kriterii istiny* [Protogoras' homo mensura as the criterion of truth]. *Scholē. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaia traditsiia* [Scholē. Ancient Philosophy and the Classical Tradition], 2019, vol. 13, no. 2, pp. 695–704. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=38689251> [in Russian].
2. Tagantsev N. S. *Russkoe ugovnoe pravo. Lektsii. Chast' obshchaia: v 2 t.* [Russian criminal law. Lectures. General part: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow, 1994, 380 p. [in Russian].
3. Engels F. *Proiskhozhdenie sem'i, chastnoi sobstvennosti i gosudarstva* [The Origin of the Family, Private Property and the State]. Saint Petersburg, 2010, 252 p. Available at: <http://noocivil.esrae.ru/pdf/2014/3/1281.pdf> [in Russian].
4. *Antologiya mirovoi filosofii* [Anthology of world philosophy]. Moscow, 1969, vol. 1, part 2, pp. 823–862. Available at: <http://philosophy.ru/library/antologiya-mirovoy-filosofii-t-1-ch-2/> [in Russian].
5. Konovalchuk M. V. *Printsip spravedlivosti i ego realizatsiia v ugovnom prave RF: avtoref. dis. ... kand. iurid. nauk* [Principle of justice and its implementation in the criminal law of the Russian Federation: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2009, 24 p. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000200_000018_RU_NLR_bibl_1411171/ [in Russian].
6. Konovalchuk M. V. *O vozmozhnostiakh primeneniia graficheskoi modeli postroeniia sanktsii ugovno-pravovykh norm: teoreticheskie predposylki* [About the use of graphical models of building the sanctions of criminal law: theoretical background]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2016, no. 3, pp. 65–72. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25515073> [in Russian].
7. Bezverhov A. G. *Sovremennaia ugovnaia politika v sfere ekonomiki: v poiskakh adekvatnoi modeli* [Modern criminal policy in the sphere of economy: in search of an adequate model]. *Rossiiskaia iustitsiia* [Russian Justitia], 2012, no. 10, pp. 31–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18068637> [in Russian].
8. Shumikhin V. G. *Kvalifikatsiia prestuplenii – integral'noe pravovoe poniatie* [Classification of crimes – integral legal concept]. *Pravovedenie* [Pravovedenie], 2006, no. 3, pp. 120–123. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=9226147> [in Russian].
9. *Apelliatsionnoe opredelenie Sudebnoi kollegii po ugovnym delam Samarskogo oblastnogo suda ot 12.08.2019* [Appellate decision of the Judicial Board on criminal cases of the Samara regional court dated 12.08.2019]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc90437 [in Russian].
10. Bytko Yu. I. *Spravedlivost' i pravo* [Justice and law]. Saratov, 2005, 76 p. [in Russian].